

М. Ю. Илюшина

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В МАМЛЮКСКОМ СУЛТАНАТЕ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ БАРКУКА (1382–1389)

Период правления *Бурджитов*¹ (1382–1389) составляет второй, завершающий этап истории независимых мамлюкских султанов в Египте. Политическую элиту страны в это время составляли в основном выходцы с Кавказа, преимущественно черкесы [1, с. 139–140; 3, с. 108]. Основателем *Бурджитского*, или *Черкесского* султаната по праву считается султан Баркук (1382–1399). Баркук начал военную карьеру, когда ему было, по-видимому, чуть больше двадцати лет. В юности он попал в рабство (возможно, был захвачен пиратами), приблизительно в 1362–1363 г. известный в мамлюкской среде перекупщик невольников Усман б. Мусафир продал его в Каире *атабеку* Йалбуте аль-Умари аль-Хассаки ан-Насири. В известном смысле Баркуку повезло, поскольку его новый хозяин был одним из самых влиятельных людей в султанате [4, j. 11, s. 20].

Баркук выделялся среди своих сверстников необычной выносливостью, силой и прекрасной памятью. Он в совершенстве овладел верховой ездой и техникой боя с применением различных видов оружия. Успехи в обучении могли обеспечить Баркуку блестящее начало карьеры, однако произошло непредвиденное: в 1366–67 г. Йалбуга пал жертвой заговора, а его мамлюки, которых подозревали в нападении на своего хозяина — и в их числе оказался и Баркук, — были брошены в тюрьму. После освобождения Баркук несколько лет служил у наместника Сирии, эмира Манджака аль-Йусуфи, затем, по требованию аль-Малика аль-Ашрафа Ша'бана (1364–1376), вместе со своими однополчанами прибыл в Каир и получил назначение в отряд, находившийся на службе у султанских сыновей.

Он принял участие в мятеже, результатом которого стало убийство султана аль-Ашрафа Ша'бана. Айнабек, предводитель восставших мамлюков, повысил Баркука от рядового до эмира с оркестром². Новое вооруженное выступление, на этот раз направленное против Айнабека, принесло Баркуку звание командира тысячи, в его личном распоряжении было уже сто мамлюков. Позже он возглавил отборные воинские конные отряды, которые должны были охранять султана. Через год Баркук и его товарищ по военной школе, Барака, фактически управляли всеми делами в государстве, лишь формально признавая султаном малолетнего сына аль-Ашрафа.

Баркук с присущей ему серьезностью стал укреплять свое влияние в придворных кругах (согласно одному из источников он женился на вдове аль-Ашрафа), сторонился праздности и забав, тогда как его побратим Барака без усталости предавался охоте и развлечениям. Конфликт между бывшими союзниками постепенно нарастал. В 1380 г. Баркук начал подготовку к единоличному захвату власти. Он добился

Илюшина Милана Юрьевна — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: aspirant_vf@mail.ru

¹ О названии *Бурджиты* см. [1, с. 128; 2, с. 185–186].

² На службе у эмира с оркестром, шествие которого сопровождалось барабанным боем и игрой на музыкальных инструментах, состояло, как правило, от 40 до 80 рядовых мамлюков [5, s. 106].

© М. Ю. Илюшина, 2013

заклучения Бараки в тюрьму, организовал его убийство и под видом защиты порядка перебил почти всех его мамлюков, требовавших возмездия за смерть своего командира [4, j. 11, s. 183–184; 6, p. 391].

В 1382 г. второй сын аль-'Ашрафа, Хаджи, сменивший на троне своего брата ал-Малика Мансура (1376–1382), был отстранен от власти. Обязанности султана принял на себя Баркук. Он возобновил проведение торжественной церемонии присяги, которой пренебрегали его предшественники. Причем форма этой присяги претерпела существенные изменения. Если в прежние времена это был некий договор между султаном и халифом об их взаимных обязательствах³, то в случае с Баркуком речь шла об одностороннем признании халифом права Баркука на власть. В арабских хрониках сохранилось подробное описание того, как это происходило:

В среду, 26 ноября 1382 г. в Каире прошел сильный дождь. После полуденной молитвы повелитель правоверных аль-Мутаваккиль 'Аля-л-Лах в присутствии четырех судей и шейх-уль-ислама Сирадж ад-Дина аль-Балкини принес присягу новому султану — Баркуку. По завершении этого великого дела шейх аль-Балкини наградил султана именем аль-Малик аз-Захир. Аль-Малик аз-Захир Баркук надел знаки царского отличия — черную расшитую джуббу, черную же чалму и бедуйнский меч в портуpee, затем он вышел из крепости через Цепные ворота. Эмиры выступали впереди, а аль-Макарр ас-Сайфи Айтамыш аль-Баджаси нес над головой султана расшитый золотом шелковый балдахин, который был увенчан фигурой серебряной позолоченной птицы⁴. Так процессия поднялась к Большому Дворцу, султан взшел на трон, а эмиры целовали перед ним землю. В крепости ударили барабаны в честь нового правителя, по всему городу провозглашали его имя. Люди — и простые, и знатные — шумно радовались, Каир был украшен целых семь дней [10, л. 2 а; 11, j. 1, s. 223].

Баркук стал основателем и первым правителем Султаната черкесских мамлюков (1382–1517). Значительное число мамлюков черкесского происхождения появилось в Египте при Калауне (1280–1290), который создал новое армейское подразделение, состоявшее из рабов, вывезенных преимущественно с Кавказа [1, с. 139–140; 3, с. 108]. Первым султаном-черкесом, как утверждают арабские историки, был, возможно, Бейбарс Джашангир (1309–1309), однако его черкесское происхождение не является бесспорным [12, s. 8; 4, j. 11, s. 181], а краткий период правления не внес существенных изменений в политическое устройство мамлюкского султаната.

Вопрос о роли черкесов в истории султаната мамлюков, о том, кого, собственно, арабские источники называли черкесами, был подробно рассмотрен Д. Айалоном [13]. Некоторые детали относительно происхождения Баркука раскрывает хроника авторитетного историка, выходца из мамлюкской среды 'Абу аль-Мухасина Йусуфа ибн Тагри Барди (1409/1411–1469/1470). Ибн Тагри Барди пишет, что Баркук

³ Бейбарс (1260–1277) сам давал присягу халифу; при его преемниках присяга стала постепенно приобретать характер взаимности. Возможно, слово *договор* точнее передаст в данном контексте смысл субстантивированной формы (*мубайа'а*) арабского глагола *байа'*, которое имеет два словарных значения — давать присягу, и заключать торговую сделку (что подразумевает выполнение обязательств по отношению друг к другу). В этом значении, по-видимому, употреблено слово *мубайа'а* в «Истории халифов» в главе, посвященной аль-Хакиму II: когда к власти пришел султан Шихаб-ад-Дин 'Ахмад (1342–1342), пишет ас-Суйути, «ему дали почетное имя ан-Насир, клятвенный договор (*мубайа'а*) между ним и халифом скрепил верховный судья шейх Таки-ад-Дин ас-Субки» [7, s. 391].

⁴ Обычай нести над головой султана такой балдахин (обычно желтого цвета) сохранился со времен Фатимидов. Балдахин имел форму купола и назывался по-арабски *аль-кубба ва-т-тир* (القبة والطيْر) — «купол и птица» [8, s. 136; 9, j. 4, s. 7–8].

был из рода Каса⁵ (Киса, Куса — كسا — особенности арабского письма не позволяют определить краткий гласный, следующий за согласным к) [4, j. 11, s. 183]. Существует легенда, в которой сделана попытка связать имя, сходное по написанию с упомянутым названием Каса, и этноним «черкесы». В генеалогии, составленной в XVII в. анонимным автором для мамлюкского эмира Ридван-бея, рассказано о легендарном появлении черкесов на арене истории, а Ридван-бей объявлен прямым потомком ал-'Ашрафа Барсбая (1422–1438), который, в свою очередь, приходится племянником аз-Захиру Сайф-ад-дину Баркуку. Как сообщает автор сочинения, названного в одном из списков «Кахр ал-вуджух ал-'абиса би-зикр насаб 'умара' ал-джаракиса ва 'иттисалих би-курайш» («Покорение лиц, хмурящихся при упоминании родословной черкесских эмиров и связи ее с курейшитами»), все началось с неудачного удара пальмовой веткой: на каком-то празднике, во время состязания Киса (написание имени полностью совпадает с данным Ибн Тагри Барди — كسا, но наличие огласовки в рукописи указывает на прочтение этого слова как «Киса», т. е. с гласным и после согласного к), глава курейшитского рода Бану 'Амир, случайно ранил араба по имени Фухайд, и тот лишился глаза. Об этом стало известно халифу 'Омару. Чтобы уйти от законного наказания Киса б. 'Икрима б. 'Амр б. Вадд ал-'Амири ночью бежал — سرى «сара». С тех пор он и его люди назывались Саракиса, что близко к арабскому «джаракиса» — черкесы. Как отмечает автор «Покорения лиц...», это название стало известно повсюду — в Хиджазе, Йемене, Ираке, Египте. Киса странствовал со своей армией, которая насчитывала 30 тысяч человек, и расправлялся со всеми, кто оказывал ему сопротивление. Он дошел до Византии, и напуганный правитель Константинополя предоставил Саракиса право выбрать для себя любую землю. Военственные потомки курейшитов поселились в некоей области 'Алф Райик, «а был этот край богат и многоводен» [14, с. 111]. Похожую историю о происхождении черкесов передает Эвлия Челеби в описании своего второго путешествия в Азов. В ней фигурирует арабский вождь Кису, бежавший по одной версии из Мекки, по другой — из Египта [15, с. 58–59]. Отголоски упомянутой выше легенды заметны в кабардинском предании о трех братьях, от которых произошли черкесы, албанцы и курды: «Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза, и последний отказался от всякого другого удовлетворения, кроме “око за око”. Дело было представлено на суд Камефа (т. е. халифа. — М. И.) Омара, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдение закона возмездия — “око за око”. Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в Кара-Хисса (Малая Азия)» [16]. В адыго-кабардинских родословных упоминается князь Кес, имя которого, возможно, связано с этнонимом «касоги» (в арабоязычных источниках — каса, касак, кашак). Касоги считаются предками современных адыгов (черкесов). Их страна — согласно Ибн Тагри Барди, историческая родина Баркука, или, по крайней мере, его предков, — располагалась, вероятнее всего, в Западном и Центральном Закубанье [4, j. 11, s. 183; 17]. Родным языком Баркука арабские источники называют черкесский. Ибн Тагри Барди, например, в деталях описывает встречу Баркука с отцом и упоминает о том, что

⁵ С. Х. Хотко, на протяжении многих лет занимавшийся исследованием истории черкесов, отмечает, что в еврейско-хазарской переписке упоминается «страна Каса», а термин «Каса» «покрывал все адыгские и абазинские племена Западного Кавказа» [2, с. 72]. Относительно указания Ибн Тагри Барди С. Х. Хотко пишет следующее: «Каса здесь видимо означает касак-кашек — обычное для арабов и персов наименование зихов» [2, с. 155].

они говорили на черкесском, причем «отец Баркука не знал ни одного слова из тюркского языка»⁶ [4, j. 11, s. 185].

Приход к власти Баркука, который дерзнул положить конец почти столетней традиции правления калаунидов, вызвал недовольство и открытый протест представителей тюркско-татарской группировки, сторонников прежней системы, при которой трон занимали потомки Калауна независимо от их способности править, что открывало простор для своеволия эмиров (в том числе и в финансовой сфере). Основную часть оппозиции составили представители тюркско-татарской группировки, хотя размежевание по этническому признаку не было явно выражено в начале правления нового султана. Баркук, вероятно, осознавал, что резкие перемены могут привести к катастрофе, и, вступив на престол, оставил мамлюков высшего звена в их прежних должностях [4, j. 11, s. 186]. В первый период своего правления (с 1382 по 1389 г.) он неоднократно демонстрировал приверженность исконным мамлюкским традициям и обычаям⁷, которых придерживался прославленный султан Бейбарс⁸, предпочитал привлекать на свою сторону потенциальных противников, а не уничтожать их, хотя сдерживать свой решительный характер и горячий нрав⁹ ему было нелегко.

В 1383 г. халиф аль-Мутаваккиль (1362–1377; 1377–1383; 1389–1406) вступил в переговоры с двумя эмирами — Куртом и Ибн Кутлуктамуrom, на стороне которых находилось около восьмисот мятежников. Они планировали убить Баркука во время субботней игры в поло и передать власть аль-Мутаваккилю. О заговоре стало известно султану. Ибн Тагри Барди подробно сообщает о том, как проходил допрос виновных:

Отрицали обвинение все, кроме Курта. Он испугался угроз султана и сообщил следующее: «Халиф вызвал меня и сказал: “Эти тираны правят страной без моего благоволения. Только по принуждению я облачил властью Баркука...”. Затем халиф потребовал от меня, чтобы я был с ним заодно и встал на защиту Истины. Я согласился и пообещал ему, что помогу и соберу восемьсот человек для этого дела». Тогда султан спросил у халифа: «Что скажешь об этом?». «В его словах нет правды», — ответил аль-Мутаваккиль. Султан обратился к Ибн Кутлуктамуру. «Меня там не было, — заявил эмир, — но халиф пригласил меня в свой дом на Слоновом острове, передал упомянутый разговор и сказал: “Это во благо”. Потом он убеждал меня вступить с ним в соглашение, встать на сторону Всевышнего Бога и защиты Истины». Аль-Мутаваккиль все отрицал. Баркук в ярости выхватил меч и хотел перерезать горло халифу. Тогда Судун, наместник Египта, бросился, чтобы встать между ними, и насилу сумел унять султана. Немного успокоившись Баркук приказал казнить Кур-

⁶ Подробнее о языке мамлюков см.: [18–20].

⁷ Добавим, что в сфере экономики и финансов Баркук также не пытался изменить привычную схему и действовал по образу и подобию своих предшественников [21, p. 283].

⁸ Например, он лично выезжал в торжественной процессии, чтобы открыть плотину в время разлива Нила. Этот обычай не соблюдал ни один мамлюкский султан после смерти Бейбарса [4, j. 11, s. 192].

⁹ Баркука приводило в ярость все, что наносило урон его власти и его армии. Узнав о махинациях с *икта*, которые совершал судья, контролировавший законность всех сделок в гарнизоне аль-Мансуры, султан запустил в мошенника чернильницей. После этого судья получил триста палочных ударов тут же, в зале аудиенций, и через три дня скончался, не выдержав такого испытания, поскольку, как пишет Ибн Тагри Барди, «был изнежен и привык жить в роскоши» [4, j. 11, s. 197]. Баркук был, вероятно, столь же вспыльчив, сколь и отходчив. В хрониках имеются многочисленные упоминания о том, что посаженного в тюрьму эмира Баркук отпускал буквально через несколько дней с пожалованиями и подарками [4, j. 11, s. 199].

та и Ибн Кутлуктамура, затем он призвал судей вынести решение об убиении халифа... [6, j. 11, s. 193–194].

Курт был казнен, для Ибн Кутлуктамура выхлопотали помилование, и он отправился в самую страшную каирскую тюрьму — Хизанат Шама'иль, которая была построена еще при Аййюбидах и разрушена в 1415 г. при султানে аль-Му'аййаде (1412–1421). Аль-Мутаваккиля заковали в кандалы и посадили в одну из башен Цитадели. Рассмотрев две кандидатуры, Баркук назначил халифом племянника аль-Мутаваккиля, аль-Васика II (1383–1386). Решение о казни аль-Мутаваккиля все-таки не было вынесено. Через некоторое время Баркук удовлетворил просьбу эмиров, заступившихся за него, и даже распорядился снять с бывшего халифа оковы, но не вернул ему халифского звания. После смерти аль-Васика II в 1389 г. он назначил халифом другого представителя семьи Аббасидов — Закарийю, причем на этот раз первым присягнул ему. С почетным именем аль-Муста'сим Закарийя оставался *повелителем верующих* до 1389 г. [4, j. 11, s. 195, 202; 7, s. 394–395].

Освободили и другого заговорщика — Ибн Кутлуктамура. Его отец, Кутлутамур аль-'Иля'и, не смел говорить с султаном и никого не просил о ходатайстве. Дело решил случай на охоте. Проезжая мимо палатки Кутлуктамура, Баркук остановился. Кутлуктамур вышел, целовал землю у ног султана и просил его принять в качестве подарка четырех скаковых лошадей. Баркук отказался. Кутлуктамур во второй раз поцеловал землю у ног султана, изъявив таким образом свою полную покорность и повиновение, и снова просил принять подношение. Тогда Баркук ответил согласием и вошел в палатку старого мамлюка. Тотчас был отдан приказ выпустить из тюрьмы его сына. Султан пожаловал ему одну из подаренных его отцом лошадей с золотым седлом и расшитым чепраком [4, j. 11, s. 193–195].

Заговор с участием халифа был лишь предвестником более серьезных событий. Оппозиция постепенно концентрировалась вокруг эмира Йалбуги ан-Насири. Ранее Йалбуга, так же как и Баркук, принадлежал к числу мамлюков аль-'Умари, но был старше и имел звание эмира сотни, когда Баркук только начинал свою карьеру. При дворе султана аль-Малика аль-'Ашрафа Ша'бана Баркук, будучи рядовым, должен был исполнять приказания Йалбуги. После того, как второй сын аль-'Ашрафа был свергнут с престола, ситуация кардинально изменилась. В феврале 1384 г. Йалбуга, будучи наместником Алеппо, явился ко двору, чтобы выразить почтение и покорность новому султану. Встав на колени, он целовал землю у ног Баркука, который еще недавно был его подчиненным, и не смел садиться в его присутствии [4, j. 11, s. 190–191].

В течение полугода Баркук и Йалбуга сохраняли status quo, в августе Баркук сместил Йалбугу с должности наместника Алеппо и отправил в александрийскую тюрьму. Ибн Тагри Барди отмечает, что арест Йалбуги считали необоснованным, и именно с этим событием связывает начало первой, скрытой фазы конфликта, который закончился в 1389 г. вооруженным восстанием [4, j. 11, s. 199].

В начале 1386 г. был раскрыт заговор, имевший целью, как донесли Баркуку, убийство султана. Виновники были арестованы, побиты палками, а десять зачинщиков и их предводитель Тамурбуга аль-Хаджиб казнены [4, j. 11, s. 199]. Жестокая расправа¹⁰ с заговорщиками не способствовала укреплению внутримамлюкского

¹⁰ Виновные без одежды, по двое, спиной к спине, были усажены на верблюдов и прибиты гвоздями к седлу. Тамурбуга получил отдельного верблюда. Мрачный караван прошел по улицам города. Такая казнь называлась *тасмир* (تسمير). Затем осужденных сняли с верблюдов, ввели на помост

единства, поскольку побратимские и семейно-корпоративные связи пронизывали все мамлюкское сообщество и грубые репрессии вызывали цепную реакцию неповиновения. В этом была специфика социокультурного бытования мамлюков, одновременно его сила и слабость.

В 1387 г. Баркук вызвал Йалбугу ан-Насири во дворец. После того как эмир проявил должное почтение, султан наградил его подарками и восстановил в прежней должности. Не успел Йалбуга покинуть Каир, как стало известно, что в Сирии подняли восстание бывшие мамлюки султана аль-'Ашрафа (1363–1376) под предводительством эмира Малатьи Минташа. Султан пожалел о своем решении отправить Йалбугу ан-Насири в Алеппо, принятом под давлением других эмиров, но не стал отменять уже изданный приказ. Он демонстрировал полное самообладание и, как обычно, поехал поохотиться в Гизу. В это время прибыл гонец от Минташа с заверениями в том, что его хозяин подчиняется власти султана. Из Сирии поступали противоречивые сведения, среди прочего сообщалось, что Минташ — мятежник, а его лживые заявления имеют одну цель — протянуть время до конца зимы и дожждаться, когда сойдет снег. Баркук выслал в Сирию своего эмира с тайным поручением выяснить истину [4, j. 11, s. 206–208; 6, p. 389].

Тем временем в Алеппо обострились отношения между наместником султана Йалбугой ан-Насири и атабеком войска Судуном аль-Музаффари, смещенным с поста, который занял Йалбуга. Оба написали друг на друга доносы. Баркук пребывал в нерешительности, его подозрения относительно Йалбути ан-Насири росли [4, j. 11, s. 210].

Хроники зафиксировали серьезные случаи нарушения дисциплины в армии. В 1388 г., когда Баркук вызвал евнуха Бахадура — начальника султанских мамлюков, его не оказалось в крепости. Бахадура с трудом нашли в каком-то доме на берегу Нила пьяным и в таком виде доставили во дворец. Султан был вне себя от гнева, отослал Бахадура в Сафад, понизив до командира десятка [22, s. 210].

В обстановке нарастающей нестабильности Баркук неоднократно поддерживал своих мамлюков выплатой значительных денежных сумм, в одной из хроник говорится, что он награждал каждого воина собственноручно. С февраля 1389 г. султан стал приглашать воинов своей гвардии на совместное распитие кумыса. Такие встречи проходили на площади у подножия Цитадели по средам и воскресеньям [4, j. 11, s. 210]. Выделялись средства и для воспитанников *тибака*¹¹. В частности, 27 апреля 1389 г. им было выдано по двести серебряных дирхемов [22, s. 221]. Приобретение и воспитание молодых мамлюков было стратегической задачей султана, поскольку это в перспективе давало ему возможность ослабить собственную зависимость от крупных эмиров (и их военных отрядов), чья поддержка нередко, особенно в кризисной ситуации, давалась дорогой ценой, а верность могла в любой момент обернуться предательством.

Обеспокоенный султан решил отправить Йалбуге подарки и пригласить его в столицу с тем, чтобы обсудить дело Минташа. Наместник Алеппо опасался быть схваченным и уклонился от визита, объяснив это необходимостью держать под кон-

и разрубили пополам (удар наносили по животу так, чтобы внутренности казненного вывалились наружу, затем наступала мучительная смерть). Эта казнь имела название *тавсит* (توسيط) [4, j. 11, s. 199].

¹¹ Слово *тибак* в хрониках мамлюкского периода используется для обозначения расположенных в каирской Цитадели казарм и специальных школ для мамлюков [23, с. 25].

тролем этого самого Минташа. Отказ Йалбуги еще больше насторожил Баркука. Он вызвал на совет мамлюков из своего ближайшего окружения. Было принято решение отправить в Алеппо эмира с письмом, в котором Йалбуге предлагалось помириться с Судуном. На самом деле миссия посланца султана заключалась в том, чтобы найти верных людей и подготовить арест Йалбуги ан-Насири. Йалбуга тоже не бездействовал. Его мамлюк распространял в Каире обращения с призывом выступить против султана. Попутно это сметливый «агент» добыл информацию о готовящемся аресте своего хозяина и успел вернуться с донесением в Алеппо раньше, чем туда прибыл эмир султана [4, j. 11, s. 210–212].

Предупрежденный о планах Баркука, Йалбуга выразил полную покорность. Согласно воле султана он пригласил Судуна аль-Музаффари в свою резиденцию, но примирение не состоялось: Судун явился с оружием, началась стычка между ним и охранниками Йалбуги. В результате Судун аль-Музаффари и его три человека погибли. Инцидент стал поводом для начала открытого противостояния. Йалбуга ан-Насири заключил соглашение с Минташем. Объединив силы, они готовились к мятежу [4, j. 11, s. 212–213].

В Каире было принято решение выслать отряд для борьбы с Йалбугой и Минташем, а Баркук еще раз привел к присяге своих эмиров и устроил в честь этого большой пир на площади перед Цитаделью. Вскоре пришло сообщение о том, что мятежники захватили Триполи, затем бежал наместник Хамы, и город был сдан Йалбуге [4, j. 11, s. 213–217; 24, s. 4–5]. Баркук принял энергичные меры, чтобы не допустить заключения соглашения между мятежниками и халифом. *Повелитель верующих*, а также все Калауниды — потенциальные кандидаты на престол были изолированы. Султанские мамлюки получили очередное пожалование — лошадей, верблюдов, оружие и по тысяче дирхемов каждый. Свою готовность выступить на стороне султана изъявили правители Тебриза и Мардина [4, j. 11, s. 215–217].

Отряд, отправленный Баркуком в Сирию, прибыл в Газу. Наместник султана в этой области проявил должное уважение к эмирам, приветствовал воинов и сделал все, что от него требовалось, для обеспечения их дальнейшего продвижения к Дамаску. Тем не менее командир отряда египетских мамлюков приказал его арестовать. Многие считали, что единственной причиной ареста наместника было его тюркское происхождение. В критический для новой власти период конфликт между черкесской и тюркской группировками мамлюков перешел в фазу обострения. Сам Баркук, по-видимому, на этом этапе не ставил своей задачей преследование мамлюков тюркского происхождения, осознавая, вероятно, что это только сократит число его сторонников. В Газе его эмиры, как свидетельствует источник, действовали по собственной инициативе. Арест наместника-тюрка насторожил воинов гарнизона в Дамаске, многие из которых были тоже тюрками. Их решимость сохранять верность султану-черкесу была поколеблена. В первую же ночь после получения известий из Газы 50 мамлюков тюркского происхождения покинули Дамаск, число перебежчиков на сторону Йалбуги ан-Насири продолжало расти. В конце марта на сторону оппозиции перешли наместник Баальбека и еще 13 эмиров Дамаска [24, p. 7].

В начале апреля сирийский экспедиционный корпус Баркука вступил в Дамаск. Но это нисколько не упрочило положения султана, поскольку мамлюки, видимо под влиянием общей смуты, начали грабежи и бесчинства. В такой обстановке жители

города скорее были готовы поддержать Йалбугу, который подошел к стенам Дамаска, чем оставаться подданными Баркука.

В результате первой жестокой стычки войско султана потеснило противника. Затем Йалбуга был разбит во второй раз. В разгар боя два эмира Баркука перешли на сторону Йалбуги со своими отрядами. Получив подкрепление, мятежники в третьем сражении разгромили мамлюков Баркука, захватили трофеи и пленных, которых отправили в крепость. Черкесов Йалбуга постарался разделить, выслав часть из них в тюрьмы Баальбека и других сирийских городов. Бежавших преследовали, их ждала жестокая расправа. Султан терял самых верных своих соратников.

Дамаск приветствовал победителя. Дома эмиров, оставшихся верными султану, а также резиденция наместника были разграблены. В погромах с энтузиазмом участвовали горожане. По свидетельству историка Мухаммада б. Сасры, который был очевидцем этих событий, уносили все — деньги, драгоценности, ткани, мебель, резные окошки с дверей и даже гвозди, которыми были скреплены деревянные перекрытия зданий [24, p. 12–13; 4, j. 11, s. 217–219].

Когда весть о поражении в Сирии достигла Каира, начались беспорядки: рынки были закрыты, прокатилась волна грабежей и погромов. Положение усугубилось очередной вспышкой чумы. Как пишет хронист, «оцепенение и растерянность охватили Баркука». В сражении у Дамаска он потерял своих ближайших соратников. После совета с эмирами султан принял решение отправить в Сирию еще один отряд. В его состав вошли 1400 мамлюков, каждый из которых получил по тысяче серебряных дирхемов. Кроме того по двести дирхемов было выдано воспитанникам султанского *тибака* [22, s. 221].

Обстановка накалялась. Пришло сообщение о предательстве 'Инала аль-Йусуфи, которого Баркук назначил наместником Алеппо вместо Йалбуги ан-Насири. 'Инал примкнул к мятежникам, захватил города Газа и Рамла, после этого сдался Карак.

Султан оставался в Каире и всеми средствами укреплял преданность тех, кто еще оставался на его стороне. Поскольку в критической ситуации голос халифа мог приобрести неожиданный вес и силу, он снова пригласил в свою резиденцию *повелителя верующих*, и в присутствии судей султан и халиф поклялись друг другу сохранять искреннюю дружбу. Аль-Мутаваккиль (в начале года он заменил отстраненного аль-Муста'има) получил подарки, в том числе серую кобылу и новый дом в Цитадели. После этого Баркук объявил об отмене налоговых сборов, призвал жителей столицы закрыть дома и лавки и приступить к строительству укреплений для защиты города. Каир готовился к осаде [4, j. 11, s. 221–229; 7, s. 394].

Эмирам сорока и десятка было выдано по 400 дирхемов, денежные пожалования получили все армейские части. Несмотря на это, тонкий поначалу ручеек перебежчиков вливался в войско Йалбуги, который в июне 1389 г. был уже у стен города. Вскоре султана покинули сразу 500 его личных мамлюков. Измена была жестокой и вероломной. Накануне предатели эмиры тысячи получили от Баркука по 10 000 динаров, а эмиры с оркестром — по 5000. Каждую ночь из Цитадели уходили мамлюки. Кара Димирдаш аль-'Ахмади принял из рук султана 30 000 динаров. После этого он важно произнес: «Владыка султан, не бойся, я останусь рядом с тобой твоим слугою, будь уверен». Не прошло и часа после этого разговора, как Кара Димирдаш сел на коня и усакал в лагерь Йалбуги [4, j. 11, s. 229–231].

Наиболее стойкие из мамлюков султана вступали в стычки с противником, но силы были неравны, Баркук вынужден был оставить трон и скрыться. Как показало развитие событий, дальнейшая судьба свергнутого султана во многом зависела от того, насколько верны и непоколебимы будут его соратники.

Глава восставших эмиров Йалбуга ан-Насири настоял на том, чтобы султаном вновь стал последний из бахритских правителей Хаджи¹². Сам Йалбуга занял должность атабека (главнокомандующего) египетской армии и взял в свои руки управление делами государства. Он контролировал каждый шаг Хаджи аль-Мансура вплоть до мелочей. Когда султан наградил своего портного, Йалбуга отменил этот приказ, несчастный ремесленник получил несколько ударов палками, а Хаджи аль-Мансур воскликнул: «Если мои распоряжения не исполняются даже относительно портного, то что же это за султанская власть?» и «замолчал с болью в сердце» [4, j. 11, s. 273].

Йалбуга публично заявил, что всем мамлюкам-черкесам гарантируется безопасность, сохранение прежнего положения и наделов. То же самое пообещали и мамлюкам Баркука, если они явятся ко двору. За поимку свергнутого султана была назначена премия в тысячу динаров для гражданских лиц и повышение звания для военных. Тому, кто прячет Баркука, грозили всеми возможными карами.

Баркук был схвачен в доме одного из своих эмиров и отправлен в Карак. Казнить его не решились, опасаясь, что стремление отомстить за гибель своего господина заставит мамлюков Баркука поднять вооруженное восстание. Йалбуга ан-Насири попытался избавиться от этих скрывавшихся в Египте мамлюков, объявив, что все они должны отправиться на службу в Сирию, а каждый, кто останется и будет схвачен, понесет наказание. Молодые мамлюки, обучавшиеся в казармах Баркука, были распределены среди других эмиров, их учителей и наставников распустили. В целом все действия Йалбуги были направлены на то, чтобы привлечь как можно больше сторонников (жителям Каира было объявлено: «Пусть всякий, кто терпел притеснения при прежней власти, приходит к эмиру Йалбуге ан-Насири, чтобы найти правду и справедливость»), а потенциальных противников заставить колебаться между открытым протестом, который чреват непредсказуемыми последствиями, и безопасным проявлением лояльности по отношению к новой администрации [4, j. 11, s. 262–267].

Неожиданный удар Йалбуге был нанесен его бывшим союзником Минташем, возглавлявшим мамлюков султана аль-'Ашрафа. Положение Йалбуги осложнялось тем, что к Минташу, не располагавшему крупными силами, примкнули мамлюки Баркука. Временное объединение с Минташем давало им шанс одолеть более могущественного противника — Йалбугу ан-Насири. В августе 1389 г. начались вооруженные столкновения в столице. Та и другая сторона делали попытки привлечь на свою сторону жителей Каира. Минташ преуспел в этом, в медресе султана Хасана, которая стала опорным пунктом мятежников, приходили горожане, прихватив камни в качестве боеприпасов. Ожесточенное сражение продолжалось целый день, Минташ одержал победу, эмиры Йалбуги один за другим переходили на его сторону [4, j. 11, s. 269–274].

Йалбуга понял, что остался в меньшинстве, и отправил халифа аль-Мутаваккиля, чтобы заключить мир с Минташем. На призыв халифа прекратить смуту предводи-

¹² Когда Хаджи стал султаном в первый раз (в 1382 г.), он получил почетное имя аль-Малик ас-Салих. В 1389 г. ему дали другое тронное имя — аль-Мансур [4, j. 11, s. 262].

тель мятежников ответил, что он выступил против Йалбуги, а не против султана. Это Йалбуга, подчеркнул он, фактически захватил власть и не позволяет Хаджи аль-Мансуру — сыну покойного султана аль-'Ашрафа — управлять делами государства, отстраняет мамлюков аль-'Ашрафа, отдавая предпочтение своим однополчанам. И все это — в нарушение данных прежде обещаний. «Он дал мне только 100 000 дирхемов, — воскликнул Минташ, — а себе забрал лучшие наделы. Мой надел дает лишь 600 000 дирхемов в год! Клянусь, я не отступлюсь, пока не убью его, или он не убьет меня» [4, j. 11, s. 277].

После этого состоялось еще одно кровопролитное сражение. Эмиры из ближайшего окружения Баркука, которых Йалбуге удалось ранее привлечь на свою сторону, покинули его и перешли в войско Минташа. Минташ одержал победу. Горожане снова поддержали его. Несмотря на опасность, они подбирали упавшие на землю стрелы и приносили их лучникам Минташа, что было очень кстати, поскольку оружия и боеприпасов не хватало. Перестрелка продолжалась, в ход были пущены пушки, поражавшие противника с помощью зажигательной смеси, приготовленной на основе нефти. Снаряды разрушили купол мавзолея султана Хасана, загорелась палатка Йалбуги. За ночь отряды Минташа пополнились новыми перебежчиками. Йалбуга покинул Цитадель. Минташ явился к султану и объявил, что находится в его власти и хочет служить ему, как служил его отцу. Йалбуга ан-Насири вскоре был схвачен, закован в кандалы и отправлен в тюрьму.

Мамлюки Баркука напрасно рассчитывали, что Минташ сдержит обещание и освободит их предводителя. В отличие от всех остальных участников мятежа они не получили ни денежных наград, ни высоких должностей, ни новых наделов. Минташ осознавал, что такое вероломство вызовет неминуемый протест, и решил нанести упреждающий удар. В Карак он отправил гонца с тайным предписанием убить Баркука, его мамлюков он вызвал якобы для того, чтобы решить все назревшие вопросы, закрыл за собравшимися двери и отдал приказ начать расправу. Было убито около двухсот человек. На остальных мамлюков из дома Баркука началась настоящая охота, многие были схвачены и отправлены в тюрьму, а их имущество пополняло казну Минташа [4, j. 11, s. 278–282].

В отличие от Йалбуги, Минташ не был склонен к компромиссам, действовал быстро, решительно и жестоко. Неповиновение, как со стороны мамлюков, так и со стороны мирного населения, каралось без промедления. Когда настало время навести порядок в столице, Минташ объявил, что каждый горожанин, у которого найдут меч, нож или другое оружие, будет наказан. В первый же день шестерым отрубили руки [4, j. 11, s. 287].

Политика грубой силы позволяла контролировать ситуацию в Каире, но для того, чтобы подчинить весь султанат, нужны были либо другие методы, либо хорошо отлаженный репрессивный аппарат, которого у Минташа не было. Поспешив устранить конкурентов, Минташ сделал врагами своих бывших союзников и остался в меньшинстве. Одно за другим приходили тревожные сообщения из Сирии, где, вслед за расколом в Каире, началось противостояние между эмирами, а вскоре стало известно, что наместник Карака освободил Баркука и перешел на его сторону [4, j. 11, s. 287; 22, p. 25].

Минташ продолжал действовать с неукротимой энергией. От арестов он перешел к казням, снарядил отряд для того, чтобы отправить его в Карак, но тут же от-

менил свой приказ, опасаясь, что мамлюки этого отряда могут перейти на сторону его врага, призвал халифа и судей, чтобы вынести фетву о казни Баркука, и, наконец, женился на сестре султана Хаджи аль-Мансура, организовав пышную свадьбу.

Тем временем взбунтовались ссыльные мамлюки в Кусе¹³, вышел из повиновения новый наместник Алеппо — однополчанин Йалбуги ан-Насири. События развивались стремительно, число сторонников Баркука росло с каждым днем, их опорным пунктом стал Карак. Туда удалось добраться тремстам мамлюкам Баркука, бежавшим из Верхнего Египта [4, j. 11, s. 291–292; 10, л. 28 а].

14 октября 1389 г. Баркук направился к Дамаску. На подступах к городу он победил в нескольких сражениях, захватив многочисленные трофеи, его отряд продолжал пополняться эмирами, в основном из числа сосланных в Сирию Йалбугой и Минташем. В Каире срочно снаряжали армию, которую должен был возглавить сам султан Хаджи аль-Мансур. Казна была пуста, Минташ проводил обыски и конфискации в домах арестованных или бежавших мамлюков Баркука, забрал деньги, предназначавшиеся сиротам погибших эмиров, обязал коптского патриарха выплатить 100 000 дирхемов, а главу иудейской общины — 50 000 дирхемов, определенные суммы должны были внести все эмиры, дело дошло до того, что собрали лошадей с мельниц, люди остались без муки, цены на хлеб выросли. Принятые меры не повысили популярности Минташа, к тому же собранной суммы было недостаточно. Воины получили слишком мало и остались недовольны.

Когда армия все-таки отправилась в Сирию, в Каире вспыхнуло восстание. Под предводительством эмира десятка Буты ат-Тулутамури заключенные в тюрьму мамлюки Баркука, сделали подкоп, вырвались на свободу, захватили оружие и разгромили гарнизон, оставленный Минташем. Восставшие объявили султаном Баркука. Весть об этом с радостью встретили жители Египта, которые были измучены смутой и поборами [4, j. 11, s. 295–298, 310–313; 10, л. 30 а, 30 б, 32 а, 32 б].

Тем временем Баркук получил значительное подкрепление из Сафада. Один из мамлюков, получивших воспитание в его доме, Йалбуга ас-Салими, служил давадаром (начальником канцелярии) у наместника Сафада. Когда наместник отправился со своим отрядом на помощь защитникам Дамаска, Йалбуга ас-Салими освободил находившихся в заключении в Сафаде эмиров Баркука — всего около двухсот человек. Они захватили городскую Цитадель и казну [4, j. 11, s. 297; 10, л. 28 б].

Решающая схватка между Баркуком и Минташем началась 2 января 1390 г. Несмотря на отчаянное сопротивление мамлюков Баркука, Минташу удалось заставить их отступить и на правом, и на левом фланге. Но об окончательной победе Минташа говорить было еще рано. Дело в том, что Баркук воспользовался суматохой боя и захватил в плен халифа и султана Хаджи аль-Мансура, которые ожидали исхода сражения на безопасном расстоянии, в стороне от египетского обоза, вместе с находившейся при них армейской казной. Минташ не знал об этом и отправился праздновать свой триумф в Дамаск, а Баркук всю ночь провел в палатке султана, собирая своих сторонников. На следующее утро мамлюки Баркука в ожесточенном сражении одержали верх. После того, как Минташ потерпел поражение, Хаджи аль-Мансур отрекся от престола. Султаном снова стал аль-Малик аз-Захир Баркук. Он принял присягу от халифа и вернулся в Каир [4, j. 11, s. 301–309].

¹³ Город, расположенный приблизительно в 600 км к югу от Каира.

В политике Баркука нетрудно усмотреть многие параллели с действиями султана Бейбарса. В первую очередь это касается укрепления институтов власти военно-теократического государства, которым по существу и являлся мамлюкский султанат и в котором наряду с султаном-главнокомандующим существовала и другая ветвь власти — теократическая, во главе с халифом из рода Аббасидов. Этот институт власти возник благодаря усилиям Бейбарса [1, с. 135; 25, с. 40], и вот через сто лет новый мамлюкский лидер, Баркук, придал этому институту новое содержание. Если Бейбарс, по крайней мере формально, позиционировал себя как слуга халифа, то при Баркуке и его преемниках ситуация изменилась: теперь и навсегда халиф стал слугой султана. Для победы теократической формы власти необходим был еще только один шаг — объединение функций султана и халифа в одном лице, но этого не произошло. Вопрос о соотношении светской и религиозной власти получил дальнейшее развитие при османах. Завоеватель Египта Селим I (1512–1520), сделавшись «служителем обоих священных городов» приобрел в глазах мусульман право на титул имама. Его и его последователей, как отмечает В. В. Бартольд, называли «халифами», «нисколько не заботясь о том, передал ли Селиму свои права халиф Мутаваккиль» [25, с. 71–72]. Позднее была создана теория «о духовном суверенитете турецкого султана как преемника египетских Аббасидов над всеми правоверными мусульманами» [25, с. 76]. Возвращаясь к сравнению Баркука и Бейбарса, подчеркнем, что по существу они вынуждены были решать схожие задачи: укрепление центральной власти и личного авторитета, подчинение мятежных эмиров — сторонников свергнутой группировки. Для достижения своих целей оба использовали идею передачи светской власти от халифа султану. Возрождение халифата как средства укрепления позиций новой власти после периода смуты — одна из возможных траекторий развития мусульманского государства.

Одержав военную победу, султан приказал, чтобы торжественное шествие по улицам столицы возглавлял халиф, а уже за ним следовал Хаджи аль-Мансур рядом с Баркуком, горожане приветствовали султана [4, j. 12, s. 4]. На самом деле это была изысканная форма демонстрации того, что пришедший в полное забвение институт халифской власти вновь рассматривается новым политическим режимом как государствообразующий, более того, как идеологическая основа единства и сплочения, наряду с традиционными мамлюкскими узами солидарности, которых, как показали предшествующие события, для нерушимости государственных устоев оказывается катастрофически недостаточно. На справедливость этого тезиса указывает и тот факт, что практически сразу же после возвращения себе верховной власти Баркук предпринял шаги по интеграции мамлюков в египетскую социальную городскую среду, фактически разрушив традиционную мамлюкскую социальную изоляцию. Второй период правления Баркука был ознаменован введением новых принципов содержания мамлюков. Им было разрешено жить в городе и жениться [26, j. 3, s. 67]. Постепенно эти воины впитывали элементы местного быта, наметилась тенденция к сближению локальной арабской и мамлюкской культуры [27, p. 293].

Султан Баркук умер в возрасте шестидесяти лет в июне 1399 г. Скорбь о нем в народе была неподдельной. Подобно Бейбарсу ал-Бундукдари о нем слагали песни, а его биографию изучали, знали и рассказывали как былинные предания. Согласно последней воле Баркука, тело его было захоронено «под ногами бедняков», посреди

дороги за каирскими воротами Баб ан-Наср. Впоследствии на этом месте по приказу его сына — султана Фараджа — выстроили гробницу [4, j. 12, s. 85; 10, л. 87 а].

Литература

1. Зеленов Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 373 с.
2. Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 432 с.
3. Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. 216 с.
4. *Ibn Tagri Bardi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin Jusuf al-'Atabaki*. Al-Nujum Al-Zahira fi Muluk Misr wa-l-Qahira. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1992. 16 j. J. 11. 334 s. J. 12. 293 s.
5. *Dahman, Muhammad 'Ahmad*. Mu'jam al-Alfazh al-Ta'rikhiya fi-l-'Asr al-Mamlukiya. Beirut: Dar al-Fikr al-Mu'asir, 1990. 160 s.
6. *Wijntjes Th. M.* Sultan al-Zahir Barquq as seen by his contemporaries Ibn Khaldun and Bertrando de Mignanelli // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. VI. Proceedings of the 14th and 15th International Colloquium organized at the Katholieke Universiteit Leuven in May 2005 and May 2006 / eds U. Vermeulen and K. D'Hulster. Leuven; Paris; Walpole, MA: Uitgeverij Peeters, 2010. P. 383–394.
7. *Al-Suyuti, Jalal ad-Din 'Abd al-Rahman*. Ta'rikh al-Khulafa'. Beirut: Dar Ibn Hazm, 2003. 420 s.
8. *'Afaf, 'Abd al-Jabbar 'Abd al-Hamid*. Al-Jawanib al-'Iqtisadiya fi Kitabat Ibn Tagri Bardi (min 300h-874h/812m-1469m). Bagdad: Jam'i'a Bagdad, 2006. 430 s.
9. *Al-Qalqashandi, Abu-l-'Abbas 'Ahmad*. Subh al-'Asha. Al-Qahira: Al-Matba'a al-'Amiriya, 1914. 14 j. J. 4. 487 s.
10. *Mar'I al-Hanbali al-Makdisi*. Kitab al-Tuhfa al-Sinniya fi Akhbar al-Dawla al-Jarkasiya. Österreichische Nationalbibliothek, Sammlung von Handschriften und alten Drucken. A. F. 274.
11. *Ibn Iyas*. Bada'i' al-zuhur fi waqa'i' al-duhur. Bulaq: al-Matba'ah al-'Amiriyah, 1894. 322 p.
12. *Sulaiman, 'Ahmad 'Abd al-Karim*. Al-'Unsur wa 'Athruha fi-l-Jaish al-Mamluki. Beirut: Dar al-Nahda al-'Arabiya, 1988. 127 s.
13. *Ayalon D.* The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. 1949. Vol. 69, N 3. P. 135–147.
14. *Илюшина М. Ю.* О родословной мамлюков Египта по материалам рукописи «Нисаб алджаракиса» из коллекции восточного отдела научной библиотеки СПбГУ // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 2, ч. 1. С. 111–116.
15. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
16. *Инал-Ипа Ш. Д.* Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (материалы с комментариями) // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. II выпуск. Сухум: Алашара, 2006. С. 193–255. URL: <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/327> (дата обращения:).
17. *Пьянков А. В.* Касоги — касахи — кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар: ООО Край-бибколлектор, 2001. С. 198–213. URL: <http://www.aheku.org/page.php?al=alias4691> (дата обращения:).
18. *Зайночковский А.* Новонайденный арабско-кипчакский словарь из государства мамлюков // Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1964. № 3. С. 111–116.
19. *Наджип Э. Н.* Золотая Орда и мамлюкский Египет. Очерк историко-культурной обстановки в XIV и XV вв. // Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV веков. М.: Наука, 1989. С. 80–88.
20. *Naarmann U.* Arabic in speech, Turkish in lineage: Mamluks and their sons in the intellectual life of fourteenth-century Egypt and Syria // Journal of Semitic Studies. Spring 1988. Vol. XXXIII/I. P. 81–114.
21. *Bacharach J. L.* A Study of the correlation between textual sources and numismatic evidence for mamluk Egypt and Syria, A. H. 784–872/A. D. 1382–1468. Michigan: University Microfilms, Inc., Ann Arbor, 1967. 411 p.
22. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Abu Abbas 'Ahmad b. 'Ali b. 'Abd al-Kadir al-'Ubaidi*. Al-Suluk li-Ma'rifa Duwal al-Muluk. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1997. 8 ajza' J. 5. 464 s.
23. *Илюшина М. Ю.* Тибак каирской цитадели в описании аль-Макризи // Модернизация и традиции: тез. докл. XXVI междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20–22 апреля 2011 г. С. 25–26.

24. A Chronicle of Damascus 1389–1397 by Muhammad ibn Sasra / transl., ed., and annot. by W.M.Brinner. 2 vol. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1963.Vol.II. The Arabic text. 265 p.

25. Бартольд В. В. Халиф и султан // Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Восточная литература, 2002. 784 с.

26. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Abu Abbas 'Ahmad b. 'Ali b. 'Abd al-Kadir al-'Ubaidi*. Al-Mawa'izh wa-l-'I'tibar bi-Zhikr al-Khitat wal-'Athar. Al-Qahira: Maktaba Madbuli, 1998. 8 ajza'. 942 s.

27. *Rabbat N. O.* The citadel of Cairo: a new interpretation of royal mamluk architecture. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 339 p.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.